
ДМИТРИЙ ПОЛЬ

“Тихий Дон” и историософия Кожина

Сравнительно часто в истории мировой культуры и науки совмещаются критик и мыслитель. Несоизмеримо реже – критик, мыслитель и историк. Вадим Валерианович Кожин (1930–2001) из их числа.

О разносторонности увлечений и пристрастий Кожина сказано достаточно. Для Кожина-учёного не было закрытых тем, сознательно исключённых им за пределы его профессиональной компетенции. Сферой интересов Кожина являлось всё, что относится к духовной и материальной стороне жизни человека, и прежде всего то, как это воплотилось в искусстве: древнеиндийская литература и древнерусский эпос, поэзия Н. М. Рубцова и “Слово о Законе и Благодати” митрополита Илариона и многое, многое другое.

К сожалению, вклад Кожина в осмысление российской истории очень часто не замечаем и даже игнорируем. Например, популярное издание “Библиотека Кирилла и Мефодия” (электронный вариант, 2005 год) вообще не упоминает исторических работ В. В. Кожина, проигнорирована и его общественная деятельность, особенно заметная в 70-е – 80-е годы XX столетия. В результате – в энциклопедическом издании Кожин предстал только как литературовед и критик. Между тем Кожин не только был популяризатором отечественной истории, что в современных российских условиях до чрезвычайности полезно, но и предложил свою весьма интересную версию исторического развития России в мировом историко-культурном контексте. В соответствии с ней Кожин дал свое видение основных вех русской истории. В несколько сжатом виде они выглядят следующим образом:

1. **Древняя Русь.** Кожин выделил два равноправных центра формирования древнерусской государственности: северный (Ладога) и южный (Киев); Рюрик и Кий были рассмотрены исследователем как основатели двух самостоятельных династий. Взгляд Кожина на этот древнейший период русской истории основывается на новейших открытиях археологов в районе Ладоги и в целом, как показывают работы известного учёного А. П. Новосельцева, не противоречит данным современной науки¹.

2. **Древняя Русь и Хазарский каганат.** В определении этого противостояния как ведущего Кожин опирался на работы Л. Н. Гумилёва и на произведения русского фольклора. Новаторством Кожина стало предположение, основательно аргументированное, об отражении русско-хазарских войн в былинах, повествующих о противостоянии Руси и Степи.

3. **Расширение Руси:** древность, до X–XI вв. Для Кожина это время является кульминацией внешнеполитических усилий Древнерусского государства по расширению своего влияния. В данном случае – достаточно неожиданно – Кожин выделяет этот период (в историографии, как правило, он

оценивается достаточно сдержанно) как время наибольших внешних успехов молодого восточнославянского государства.

4. Сосредоточение на внутренних делах: с Ярослава Мудрого и до монголо-татарского нашествия. Как и славянофилы, Кожинов полагал, что подчинение Руси Орде стало результатом внутреннего кризиса древнерусских княжеств.

5. Зависимость от Орды. Русь как часть евразийского мира, до конца XV века. В этот самый сложный период, по мнению Кожинова, Русь трансформировалась в евразийскую державу. В данном случае Кожинов расходится с евразийцами, для которых Русское государство, как находящееся в лесостепной полосе Восточной Европы, изначально было евразийским.

6. Расширение Руси при Иване III и Иване IV. Формирование вселенского русского сознания, по мнению Кожинова, было связано именно с этим историческим периодом.

7. Смута. Для Кожинова Смута стала результатом перенапряжения и чрезмерного расширения страны, нарушения баланса сил. Здесь Кожинов несколько созвучен Л. Гумилёву, для которого это период чрезвычайной активности, “буйства сил”, вызванный “пассионарным перегревом”. Кожинов, однако, не согласен с Гумилёвым в использовании понятия “пассионарность” для объяснения кризиса начала XVII столетия.

8. Сосредоточение на своих делах в XVII веке. Период после Смуты был охарактеризован Кожиновым как время отказа от претензий на вселенность, что стало, по мнению Кожинова, необходимым условием спасения страны.

9. Расширение Руси: от Петра I и до последнего Романова. Апогей расширения при последних Романовых. Расхождение “верхов” и “низов”, ставшее результатом Петровских реформ, с точки зрения Кожинова, стало платой за успехи России на пути европеизации.

10. Революция и новая Смута. По мнению Кожинова, революция и Гражданская война (новая Смута) стали результатом чрезвычайного расширения государства, крайне быстрых темпов развития, в том числе и успехов просвещения, к которым общество оказалось не готово.

11. Сталинское расширение. Репрессии 20-х и особенно 30-х годов Кожинов рассматривает как результат общей настроенности на продолжение кровопролития в обществе, как последствия Гражданской войны.

12. Новая смута и сосредоточение на своих делах. Крушение Советского Союза для Кожинова произошло в результате объективных и субъективных факторов, в том числе и усталости общества от сталинского перенапряжения. Этот период сосредоточения на своих собственных делах, по мнению Кожинова, только начался.

Даже из этого несколько схематизированного изложения кожиновского видения российской истории очевидно, что оно обладает определённой системностью и основано на понимании исторического процесса как вечного поддержания равновесия, сильное нарушение которого приводит к катастрофе. Историческое движение, по Кожинову, – двухтактное и бинарное, только не в вертикальной, как у Ю. М. Лотмана, а в горизонтальной плоскости. Но для Кожинова бинарность, расширение – сужение – свойство не только российское, но и общечеловеческое. От народа и государства зависит только умение сохранить или нарушить баланс, и здесь Кожинов близок к А. Тойнби (“Постижение истории”), для которого время жизни цивилизации, а также этносов и государств определялось способностью к адекватным реакциям на вызовы со стороны внешних и внутренних факторов. Впрочем, ни одно из обозначенных “сближений” не является свидетельством прямого влияния на Кожинова со стороны Лотмана или Тойнби. Некоторое сходство с теорией “вызова и ответа” Тойнби объяснимо тем, что историософские поиски Кожинова происходили в одной плоскости с признанным профессиональным историком.

Кожинов, правда, так и не дал ответа на вопрос о временных пределах расширения и сужения народа и государства, о причинах, порождающих создание народов и государств. Он не отверг, но и полностью не принял теорию этногенеза Гумилёва, допуская, впрочем, её некоторую правоту. Настороженно Кожинов относился и к другим историкам. Не отвергая никого из них, он стремился вычленил из их работ то, что более всего отвечало его представлениям об историческом процессе. При изложении своих взглядов Кожин-

нов, как и Л. Н. Гумилёв, стремился к максимально возможной простоте их изложения. Для Кожина-историка, как и для Кожина-литературоведа, на первом месте стояла возможность общения с читателем, и лишь на втором – формальное соблюдение научной корректности. К этому Кожин пришёл ещё в самом начале своей научной деятельности, оценивая произведения науки и искусства с точки зрения понятности, открытости критике и диалогу. «Искусство всегда призвано выражать, воплощать, осваивать живую современность, быть насквозь современным, если даже тематически оно захватывает прошлое. Искусство, исчерпываемое критикой предшествующего исторического периода, не открывает нового, оно берёт уже известное и живёт за чужой счёт»².

У каждого из изучающих или интересующихся историей России есть свои пристрастия и предпочтения. Важнейшая тема для Кожина-историка, выбор которой был определён Кожинным-литературоведом, – осмысление революции и Гражданской войны в России начала XX века.

При ближайшем рассмотрении историософской концепции Кожина в ней можно заметить определённое влияние шолоховского видения истории. Постигая тайны «Тихого Дона», Кожин корректировал своё видение истории России.

Если в начале 60-х годов, по словам самого Кожина, его симпатии были безоговорочно на стороне «белого движения», то позднее он перешёл к более нейтральным оценкам. В немалой степени тому причина – изучение русской литературы, в особенности творчества как раз Шолохова. Исторические интересы Кожина подпитывались русской прозой XX столетия, с разных точек зрения представившей трагические потрясения начала века. Однако лишь одно произведение XX столетия в полной мере сумело встать над братоубийственной схваткой – «Тихий Дон».

В книге «Победы и беды России» Кожин рассмотрел роман Шолохова в контексте тысячелетнего исторического опыта русской литературы. Русская литература, по Кожину, – не только ведущий вид искусства, она выполняет и функции историософские. В своей книге Кожин на широком историческом материале подтвердил то, что утверждал и ранее, но сделал свои выводы более аргументированными. «Литература в её наиболее значительных проявлениях это не воспроизведение истории, но, если угодно, высший плод истории, притом, конечно, самообытнейший, своеобразнейший её плод. И именно так её надо изучать и понимать»³. В литературе происходит не только историческое, но и нравственное осмысление происходящих событий, что, по мнению Кожина, наиболее заметно в творчестве Л. Н. Толстого и М. А. Шолохова, обратившихся к судьбоносным периодам российской истории.

Для Кожина все поистине великие произведения культуры являются полноценными участниками исторического процесса. И «...представляя собой **порождения** истории, творения культуры, сами естественно становятся феноменами истории; трудно спорить с тем, что, скажем, былины об Илье Муромце, рублёвская Троица, архитектурный мир Московского Кремля, «Жизнь за Царя» Глинки, толстовская «Война и мир» или лирика Есенина – это, без сомнения, реальные факты, **события** русской истории, прямо и непосредственно **участвующие** в ней»⁴. Так, неоспоримым фактом является то, что осмысление исторических событий в результате появления романа Л. Н. Толстого изменилось, обозначив границу по линии **до и после «Войны и мира»**. И все последующие интерпретаторы и аналитики исторических процессов, происходящих в мире, были вынуждены учитывать наследие великого русского писателя.

В своём видении исторического процесса Кожин попытался учесть сильные и слабые стороны исторической концепции Толстого. Не принимая категоричности Толстого в его требованиях по немедленному переустройству мира, Кожин, судя по его работам, вполне разделял взгляд русского классика на роль личности в истории. По мнению Кожина: «<...> движение истории определяется не замыслами и волеизъявлениями каких-либо лиц (пусть и обладавших громадной властью), а сложнейшим и противоречивым взаимодействием различных общественных сил, и «вожди» в конечном счёте только «реагируют» <...> на объективно сложившуюся в стране – и мире в целом – ситуацию»⁵.

Утверждая наличие определённого объективного смысла в истории, и это – воздействие традиций русской классической литературы, прежде всего

Л. Н. Толстого, Кожин в сформулировал своё видение исторического развития, основанное на чередовании периодов расширения и сужения. Как уже было сказано ранее, кожиновское видение России начала XX века сформировалось под влиянием “Тихого Дона”. В романе-эпопее Шолохова, и это отмечалось многими исследователями, представлено пробуждение масс к активной жизни, к пересмотру многих устоявшихся, в том числе и частно-семейных отношений. Но революция и Гражданская война были бы невозможны без ослабления авторитета семьи. Это один из основных тезисов кожиновского видения российской истории XX века, сформировавшегося под влиянием изучения русской литературы, и прежде всего творчества Шолохова.

Для Кожина, как и ранее для Шолохова, Февральская и Октябрьская революции были закономерными – в той же степени, в какой была неизбежна Великая французская революция. И в 70-х годах Кожин приходит к утверждению о пагубности и неизбежности революции и гражданской войны, к отрицанию “правд” обоих, красного и белого, лагерей. И в этом прямое влияние “Тихого Дона”.

Одна из важнейших линий “Тихого Дона” – любовная. Проанализировав её, Кожин пришёл к совершенно неожиданному выводу. Одним из первых в литературоведении – по крайней мере, мы не встречали эту мысль ни у кого до Кожина – Вадим Валерианович соотнёс историю любви Аксиньи и Григория с революцией и крушением прежнего мира. Именно с истории любви начинается переворот общественного бытия, апогеем которого и стала революция. По мнению Кожина, любовь Григория и Аксиньи и есть “безусловно главнейшее, основополагающее воплощение революции в самом художественном мире “Тихого Дона”. В XII главе части первой (книга первая) на это есть точные указания самого Шолохова. Кожин привёл этот отрывок полностью, он заслуживает того, чтобы быть приведенным и здесь. “Так необычайна и явна была сумасшедшая их связь, так исступленно горели они одним бесстыдным полымем, людей не совестясь и не таясь, худея и чернея в лицах на глазах у соседей, что теперь на них при встрече почему-то стыдились люди смотреть.

Товарищи Григория, раньше трунившие над ним по поводу связи с Аксиньей, теперь молчали, сойдясь, и чувствовали себя в обществе Григория неловко, связано”⁶. Шолохов в дальнейшем только подтверждает это рассказом об уходе Григория из хутора. “Сумасшедшая связь” Григория и Аксиньи становится болью и трагедией для близких им людей, в первую очередь для Натальи Мелеховой (Коршуновой) и Степана Астахова. Кожин обоснованно сделал вывод о том, что через страсть Григория и Аксиньи в “отлаженное за долгую историю бытие казацкой общины или, уместно даже будет сказать, огромной семьи “тихого Дона” (как его называли издавна), вторгается нечто разрушающее все устои и каноны”.

Потрясение основ таит в себе не сам факт супружеской измены – эта проблема носит вечный (универсальный) характер, – а то, как он происходит, как воспринимается Григорием и Аксиньей. “Если б Григорий ходил к жалмерке Аксинье, делая вид, что скрывается от людей <...>, то в этом не было бы ничего необычного, хлещущего по глазам. Хутор поговорил бы и перестал. Но они жили, почти не таясь, вязало их что-то большее <...> и поэтому в хуторе решили, что это преступно...”⁷. Для Кожина этот отрывок из романа стал основой для размышлений как о линии Достоевского в творчестве Шолохова, так и о проявлении глубочайшего нравственного кризиса российского дореволюционного общества.

Немаловажно и то, что для Кожина это “потрясение основ” носит неизбежный характер, и к слову сказать, кожиновское видение исторического процесса вполне укладывается в рамки христианского эсхатологического сознания, как, впрочем, леонтьевское и розановское восприятия исторических событий. За неизбежностью кризиса семейных ценностей скрывается устойчивое, свойственное христианскому мировоззрению представление о приближении краха современной цивилизации. Любовь Григория и Аксиньи для Кожина – роковой и непререкаемый знак неблагополучия в мире.

Для Кожина страсть Григория и Аксиньи “преступна” – но, “конечно, не в узко и собственно юридическом, правовом значении слова; речь идет, как и в “Преступлении и наказании” Достоевского, о **переступании** вековых основ и границ самого образа жизни”. С вторжением стихии этой любви Дон, в сущности, перестает быть тихим... Таким образом, разрушение мира тихого

Дона приобретает характер воронки, и частное забвение или пренебрежение устоявшимися семейными ценностями приводит к отказу от религиозных и государственных устоев. Причём любовные и социально-классовые метания героев, огонь сжигающих их чувств по накалу сопоставимы друг с другом, например, неустанное стремление Григория к Аксинье и Штокмана – к революции.

Страсть Григория вносит разлад в его собственную семью. И, по мнению Кожинова, “пробитая брешь в конце концов приводит к полному крушению” – распадению мелеховской семьи, центра художественного мира “Тихого Дона”. Проникновение в тайны художественного мира “Тихого Дона” привело Кожинова к новому пониманию революционного взрыва. И вывод Кожинова о близости истории семьи Мелеховых и истории революции убедителен.

Отказавшись видеть в Григории Мелехове только жертву происходящих событий, Кожинов поставил вопрос об исторической закономерности революции и об ответственности за нее народа. “Тихий Дон” чаще всего пытались истолковать как воссоздание смертельной битвы красных и белых, толкования получались разные: согласно одним, вся “правда” на стороне красных, согласно другим – белых. Последнее характерно для “зарубежных толкователей”, но во время появления “Тихого Дона” его автора подозревали в “скрытой белогвардейщине” и в СССР. Для Кожинова “Тихий Дон” – это произведение, в котором нет правых и виноватых: это эпопея, признающая множество правд, но несущая в себе одну, коей подчинены они все, Правду (Истину).

Как правило, исторические сочинения формируют историческое восприятие писателей. Намного реже обратное. В русской литературе три произведения – “Капитанская дочка” А. С. Пушкина, “Война и мир” Л. Н. Толстого, “Тихий Дон” М. А. Шолохова – оказали колоссальное, не всегда должным образом оценённое, влияние на историческое сознание профессиональных историков и читателей. Движение Кожинова от теории литературы к осмыслению судеб культуры и цивилизации тому подтверждение. Без этих произведений, в особенности романа-эпопеи “Тихий Дон”, не сформировалась бы историческая концепция Кожинова.

Идеи Кожинова сохраняют свою значимость при дальнейшей работе над творчеством Шолохова. Так, целостность личности Григория Мелехова и противоречивость его поступков помогает понять кожиновская идея о взаимовлиянии Вольги и Микулы Селяниновича в русском эпосе. С точки зрения Кожинова, Вольга и Микула Селянинович в мире былины “явно равноправны”, они обозначают “разные образы жизни”, а в конечном счёте – “различные этносы”. В то же время, по мнению Кожинова, “в былинном мире эти различные силы уже объединены в цельном понятии “Русь”, “русский” <...> в былинах, сформировавшихся к XI веку, различные силы уже **слиты воедино** в образе-понятии “Русь”⁸. Таким образом, казак Григорий – не только казак, и не только Микула, и не только Вольга; это русский человек в его сложной сущности, чья судьба и есть судьба страны.

Влияние Шолохова оказалось плодотворным для Кожинова, историка и литературоведа, наметившего целый ряд направлений по исследованию творчества писателя. Без шолоховского “Тихого Дона” не было бы Кожинова-историка, как без Кожинова-историка и литературоведа нельзя представить себе современное шолоховедение.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Новосельцев А. П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. – 1991 – № 2/3 – С. 3–20.
- 2 Кожин В. В. Искусство живёт современностью. // Кожин В. В. Размышления об искусстве, литературе и истории. – М.: “Согласие”, 2001 – С. 174.
- 3 Кожин В. В. Жизнь и теория. // Кожин В. В. Размышления об искусстве, литературе и истории. – М.: “Согласие”, 2001 – С. 596.
- 4 Кожин В. В. Пути русского исторического самосознания. // Кожин В. В. Размышления об искусстве, литературе и истории. – М.: “Согласие”, 2001 – С. 610.
- 5 Кожин В. В. Россия. Век XX-й. (1901–1939). История страны от 1901 года до “загадочного” 1937 года. Опыт беспристрастного исследования. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002 – С. 425.
- 6 Шолохов М. А. Тихий Дон: Роман: В 4 книгах. Книга 1. // Шолохов М. А. Собр. соч.: В 8 т. – М. 1985. – С. 56.
- 7 Там же – С. 56.
- 8 Кожин В. В. История Руси и русского Слова. Современный взгляд. – М.: “Чарли”, 1997 – С. 169.